

# СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

Орган Министерства кинематографии СССР и Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР

№ 11 (1503). Год издания XXIII

Среда, 4 февраля 1953 года

Цена 45 коп.

## Великое чувство

Советский патриотизм! Какой огромный и высокий смысл вкладывают в это понятие, как много тепла и глубины в этом захватывающем чувстве, крепко нацеплено схватывающим звучи миллионов советских людей. Чувство это сильное, как слезы весь советский народ, и необыкновенно, как Родина наша.

«Сила советского патриотизма состоит в том, — говорит товарищ Сталин, — что он имеет своей основой не расовые или националистические предрасудки, а глубокую преданность и верность народа своей Советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народа и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разделяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и все более крепущей дружбы народов Советского Союза. В то же время народ ССРГ Трудящихся и независимости народов зарубежных стран в всегда проявляемой готовности жить в мире и дружбе с соседними государствами. В этом надо видеть основу растущих и крепущих связей нашего государства со свободолюбивыми народами».

Только на благодатной почве социализма мог родиться и бурно расцвести советский патриотизм. Ильялся конкретной формой общественного социалистического созидания, советский патриотизм вырос в реальную живущую силу нашего общества. Животворящий советский патриотизм — это несокрушимый источник, ратных воинств и трудиного героя советского народа в здании и в духе мирового созидания, в первогоБогдановском строительстве коммунизма.

Но было бы неправильно думать, что задача воспитания людей в духе советского патриотизма может быть успешно решена только при условии создания в пропагандистских искусствах образа положительного города. Борьба со старым, отжившим, космическим, искоренение пережитков капитализма в сознании и быту, разоблачение и гневное сатирическое осмеяние всего, что горючит движение нашего общества вперед, — все это должно найти достойное выражение в произведениях искусства.

«Нельзя не любить отечество...», — писал великий революционный демократ В. Г. Белинский. — Только надобно, чтобы эта любовь была не мертвым доводом тем, что есть, но живым желанием усовершенствования... Любить свою родину значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеалов человечества и, по мере сил своих, способствовать этому».

Быкун все преднее и позлое, что есть еще в нашей жизни, гневно разоблачая внутренних и внешних врагов своего народа, советский художник может быть уверен, что он воспитывает в людях чувство братства, активно помогает им бороться за еще более прекрасное будущее. В размахе критики и самокритики видел племянник поэта нашего народа В. Малковский «лучшее из доказательств нашей чистоты и силы».

Советский патриотизм — это любовь к нашему замечательному народу, душевную и трудиную, всемому, радужному, радостному, а когда надо — суровому и беспощадному, к его радостному труду, к его культуре, к его искусству.

Это — любовь к лучшим, передовым историческим традициям нашего народа, к многогранной чистоте сегодняшнего дня, к лучшему свету будущего.

А. С. Макаренко писал: «Мы научились быть счастливыми в том смысле, когда счастьем можно гордиться. Мы научились быть счастливыми в работе, в творчестве, в победе, в борьбе. Мы познакомились с радостью человеческого единения без пограничий и исключений, взаимных сокровищ богача. Мы научились быть счастливыми в знании, потому что знание перестало быть привилегией граffiti. Мы научились быть счастливыми в отдыхе, потому что мы не видим рядом с собой праздности, захватившей молодежь. Мы научились быть счастливыми в ощущении нашей страны, потому что теперь эта страна наша, а не чужого хозяина».

Советский патриотизм включает в себя острую, жгучую ненависть к врагам социалистического Отечества. Быть бдительным и зорким, бороться с ротеюзом, с беспечностью — вот в чему побуждает нас честь советского патриота.

Показывать в своих произведениях неисчерпаемую внутреннюю красоту советских тружеников, активно воспитывать средствами искусства в народе, и особенно в молодежи, чувство багрянчиной любви к социалистической Родине, к нашей великой Коммунистической партии и зорким, видящим впереди товарищу И. В. Сталину — такова первая задача советских художников-писателей, зрителей и композиторов, режиссеров и живописцев, актеров и скульпторов.

Советская художественная интеллигенция отдает всю силу ума и весь изысканный талант творческого горения своему народу, воспитанию в его сердцах великого чувства советского патриотизма. Лучшие произведения нашего искусства помогают партии воспитывать в советских людях это замечательное животворное чувство.

**Совещание главных архитекторов городов РСФСР**

Сегодня открылось совещание главных архитекторов крупных промышленных городов Российской Федерации, созданные Управлением по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР. В нем участвуют представители Ставрополя, Куйбышева, Свердловска, Челябинска, Казани, Тулы, Нижнего Тагила и других городов.

С докладом о качестве архитектуры и застройки городов выступил заместитель начальника Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР С. Ко-

## Город немеркнущей славы

Среди пассажиров автобуса, шедшего от центра Ставрополя к северным заводам, находился несколько офицеров. Все они, помимому, были проходимцы, потому что каждый из них называл кондуктору свою остановку и просил предупредить о ней заранее, чтобы не проехать. Нет, они приглашали к окна. Женщина-кондуктор оказывала всем особое внимание. Продавая билеты, она почти не спускала с них глаз и, когда кто-либо из офицеров отрывался от окна, торопливо брал свой чемоданчик и поднимался с сиденья, успокаивая:

— Сидите, товарищи, пока не время. Не волнуйтесь, и я все помню, не пропусти.

Первым предстояло сойти неподалеку от крупного шрама на щеке. Кондуктор поклонился к нему и тронул за плечо:

— Ну вот, — сказала она таким тоном, будто это был ее старый знакомый, — сейчас будет плацдарм Обороны, а за неей — Папкова. Вон он, видите? Не угадываете? Ну, конечно, теперь уж вам не угадать! — добавила она с гордостью.

Банкеты поднялись и вняли своей чести.

— Вы, товариши, из линии Родищева? — спросил ее кондуктор.

— Да, — ответил он с улыбкой, склонившись на пассажиров и быстро направился к выходу.

Другой офицер сидел на Балканах.

Следующую остановку — специально для военных — сделали напротив Мамасинского кургана. Здесь из автобуса вышли подчиненные и майор. В окно было видно, как они постоли немного на дороге, оглядываясь вокруг, потом медленно пошли в ногу с курганом, — сейчас будет плацдарм Обороны, а за неей — Папкова. Им показалось, что увидят ее честные лица.

— Товариши артисты! Никого не заставят! — сказала она.

— Нет, спасибо, все невредимы.

Спектакль продолжается».

«...Потом нам пришлося уезжать из Ставрополя. С какой задорностью лежали мы каждую ночь с фронта! Победоносные сны национальной памяти, — сказала она с кривой улыбкой.

И вот наше тепло сна в родном городе. Это было весной 1943 года. Тяжелое чувство пережил каждый из нас в день возвращения при виде Ставрополя, лежавшего в руинах. Мы знали, что увидим его именно таким, и все-таки, когда перед нами предстал бескардная равнина, усыпанная грубыми кирничками и пеплом, мы не смогли сдержать слез.

И опять мы жили трудной, необычайной жизнью: с утра ходим помогать строителям — разчищать завалы, поискивать кирнички, раствор, потоки, насквозь пробивающиеся из-под земли кирпичи и пеплом, — с вечерами играем спектакли.

— Гаранции? — громко, через весь автобус спросил ее кондуктор.

— Были! — весело ответил младенческий лейтенант.

И склада рядом со знаменитыми тарасовскими Башнями появился еще один памятник — памятник труда, — спасший Ставрополь от гибели.

— К нам, значит? — спросил он.

— А мы с «Красного Октября»?

— Оттуда.

Немного помолчав, рабочий добавил:

— Может, встретимся... в те дни...

\* \* \*

...Как и всегда в эти дни, в наш герой присаживалось немало гостей. Многие из числа тех, кто десять лет назад, в дыму пожаров, в короткие перерывы между смертельными схватками, писал на обугленных руках: «Для нас из Волгой земли нет...». Их нужно было узнать: они шагают по стадионским улицам медленной походкой, лобутут новые знаниями, соревнуются в редкие, еще уделяющиеся погоды.

— К нам, значит? — спросил он.

— А мы с «Красного Октября»?

— Оттуда.

Немного помолчав, рабочий добавил:

— Может, встретимся... в те дни...

\* \* \*

...Как и всегда в эти дни, в наш герой присаживалось немало гостей. Многие из числа тех, кто десять лет назад, в дыму пожаров, в короткие перерывы между смертельными схватками, писал на обугленных руках: «Для нас из Волгой земли нет...». Их нужно было узнать: они шагают по стадионским улицам медленной походкой, лобутут новые знаниями, соревнуются в редкие, еще уделяющиеся погоды.

— К нам, значит? — спросил он.

— А мы с «Красного Октября»?

— Оттуда.

Немного помолчав, рабочий добавил:

— Может, встретимся... в те дни...

\* \* \*

...Как и всегда в эти дни, в наш герой присаживалось немало гостей. Многие из числа тех, кто десять лет назад, в дыму пожаров, в короткие перерывы между смертельными схватками, писал на обугленных руках: «Для нас из Волгой земли нет...». Их нужно было узнать: они шагают по стадионским улицам медленной походкой, лобутут новые знаниями, соревнуюются в редкие, еще уделяющиеся погоды.

— К нам, значит? — спросил он.

— А мы с «Красного Октября»?

— Оттуда.

Немного помолчав, рабочий добавил:

— Может, встретимся... в те дни...

\* \* \*

...Как и всегда в эти дни, в наш герой присаживалось немало гостей. Многие из числа тех, кто десять лет назад, в дыму пожаров, в короткие перерывы между смертельными схватками, писал на обугленных руках: «Для нас из Волгой земли нет...». Их нужно было узнать: они шагают по стадионским улицам медленной походкой, лобутут новые знаниями, соревнуюются в редкие, еще уделяющиеся погоды.

— К нам, значит? — спросил он.

— А мы с «Красного Октября»?

— Оттуда.

Немного помолчав, рабочий добавил:

— Может, встретимся... в те дни...

\* \* \*

...Как и всегда в эти дни, в наш герой присаживалось немало гостей. Многие из числа тех, кто десять лет назад, в дыму пожаров, в короткие перерывы между смертельными схватками, писал на обугленных руках: «Для нас из Волгой земли нет...». Их нужно было узнать: они шагают по стадионским улицам медленной походкой, лобутут новые знаниями, соревнуюются в редкие, еще уделяющиеся погоды.

— К нам, значит? — спросил он.

— А мы с «Красного Октября»?

— Оттуда.

Немного помолчав, рабочий добавил:

— Может, встретимся... в те дни...

\* \* \*

...Как и всегда в эти дни, в наш герой присаживалось немало гостей. Многие из числа тех, кто десять лет назад, в дыму пожаров, в короткие перерывы между смертельными схватками, писал на обугленных руках: «Для нас из Волгой земли нет...». Их нужно было узнать: они шагают по стадионским улицам медленной походкой, лобутут новые знаниями, соревнуюются в редкие, еще уделяющиеся погоды.

— К нам, значит? — спросил он.

— А мы с «Красного Октября»?

— Оттуда.

Немного помолчав, рабочий добавил:

— Может, встретимся... в те дни...

\* \* \*

...Как и всегда в эти дни, в наш герой присаживалось немало гостей. Многие из числа тех, кто десять лет назад, в дыму пожаров, в короткие перерывы между смертельными схватками, писал на обугленных руках: «Для нас из Волгой земли нет...». Их нужно было узнать: они шагают по стадионским улицам медленной походкой, лобутут новые знаниями, соревнуюются в редкие, еще уделяющиеся погоды.

— К нам, значит? — спросил он.

— А мы с «Красного Октября»?

— Оттуда.

Немного помолчав, рабочий добавил:

— Может, встретимся... в те дни...

\* \* \*

...Как и всегда в эти дни, в наш герой присаживалось немало гостей. Многие из числа тех, кто десять лет назад, в дыму пожаров, в короткие перерывы между смертельными схватками, писали на обугленных руках: «Для нас из Волгой земли нет...». Их нужно было узнать: они шагают по стадионским улицам медленной походкой, лобутут новые знаниями, соревнуюются в редкие, еще уделяющиеся погоды.

— К нам, значит? — спросил он.

## Шестой пленум правления Союза советских композиторов СССР

# Творческие будни

Союз советских композиторов — новая форма творческого содружества, какой никогда еще не знала история музыкальной культуры, да и не могла знать, ибо они — порождение советского общественного и государственного строя.

Идейно-теоретическое воспитание композиторов и музыкантов, координация их творческих усилий в ответственном деле создания «высокосоветственных и идеальных произведений во всех жанрах» — вот то, что должно определять характер работы союзов композиторов, пропагандировать собою ее звенья и члены.

Несомненные успехи, достигнутые советскими музыкальными творчеством за пять лет, прошедших со дня исторического постановления ЦК партии «Об опоре «Великой дружбы» В. Муратова. В большей мере эти успехи объясняются широкой направленностью деятельности союзов композиторов. В результате широким формам проявлениям формализма и безнадежности, с «булгарским упрощением» в применении, в результате активной поддержки творческих усилий композиторов созданы произведения — оперы, балеты, концерты, песни, инструменталисты, пьесы (за исключением тех, кто выступает в своем обсуждаемых произведениях). В результате критики подбирает в выборе между несколькими противоположными операми замыслами и не останавливается пока ни на одном. Плохо то, что обсуждение давно законченной музыкальной комедии Ю. Святкова «Огоньки» несколько раз «отменяется» автором по тем или иным причинам, а наша композиторская организация не смогла возместить на укрупнившемся от общесоюзного разбора своего произведения Ю. Святкова.

Серьезным недостатком в работе Ленинградского отделения ССР в последнее время было то, что занятия семинара по вопросам музыкальной драматургии, с большими трудностями организованного в прошлом году, прекратились. А ведь участники семинара создали несколько оперных сценариев и либретто («Старый брат» Д. Толмачева — о строительстве Фархадской ГЭС, о дружбе узбекского и русского народа, «Шахтеры» и «Чайка» Б. Чалапова и А. Шумурова, «Русский характер» М. Туберовского), которые привлекли внимание ленинградских композиторов и привлекли к работе ленинградским музыкальным театрам. Но семинар «приказал долго жить» из-за равнодушного отношения к нему руководства ленинградских отделений Союза композиторов и Союза писателей.

Однако успехи есть и у коллектива ленинградских композиторов. Удачны поставленные в минувшем году яркие концерты В. Чистикова «Несчастья и борьбы», «Галина» как симфонический оркестр А. Ходжа-Эйтова, новые песни В. Соловьева-Селюка и Г. Носова.

Сейчас же успехи есть не замечать тех горьких недостатков, которые до сих пор преодолевали наши композиторы. Это прежде всего недостаточное отставание отраслевого искусства от растущих требований советского народа. Ответственность здесь в большой степени несет и творческие организации, которые мало интересуются работой композиторов, судьбой отдельных произведений, не обеспечивают необходимой объективности оценки их обсуждениями, не в состоянии развернуть работу на разных участках и четко ее координировать.

Сейчас, в thin планах, хотелось бы поболтать о наших творческих бухах, о том, что мешает нам — ленинградским композиторам — труиться наиболее плодотворно и успешно.

В Ленинграде сейчас создается одиннадцать новых музыкальных организаций. Появляющееся большинство из них поднимает темы, непосредственно связанные с образами и событиями советской действительности. Достаточно назвать такие сочинения, как «Дзялко от Москвы» Н. Даевского, «Шахтеры» О. Чинко, «Борьба» серии (шести И. Дьяконова «Славь с признаками» А. Пашенко, «Бак-заказалась статья» В. Чистикова, «Василий Теркин» А. Маневича, «Бирюз» А. Чернова, «Чайка» (по лире Чайковой) Н. Пустынцева, «Родные поля» Н. Черепинского, «Алькор» В. Сорокина. Безусловно, это свидетельствует о значительной активности ленинградских композиторов. Однако ни темы, работы, ни состояние ее в иных случаях не могут быть признаны удовлетворительными.

Хорошо, что наша композиторская организация много внимания уделяла опере И. Даевского «Дзялко от Москвы» и после многогодней и достаточно бурной дискуссии сумела убедить автора в необходимости радикальной переделки его сочинения.

Хорошо, что после нескольких обсуждений рабочих вариантов либретто оперы О. Чинко «Шахтеры» секция музыкального театра Ленинградского отделения ССР добилась того, что композитор смог, наконец, получить содержательный сцено-драматургический материал для своего произведения.

Но плохо то, что талантливый В. Болюшин в течение нескольких лет находится, что называется, «на прогрессе», колеблясь в выборе между несколькими противоположными оперными замыслами и не останавливаясь пока ни на одном. Плохо то, что обсуждение давно законченной музыкальной комедии Ю. Святкова «Огоньки» несколько раз «отменяется» автором по тем или иным причинам, а наша композиторская организация не смогла возместить на укрупнившемся от общесоюзного разбора своего произведения Ю. Святкова.

Серьезным недостатком в работе Ленинградского отделения ССР в последнее время было то, что занятия семинара по вопросам музыкальной драматургии, с большими трудностями организованного в прошлом году, прекратились. А ведь участники семинара создали несколько оперных сценариев и либретто («Старый брат» Д. Толмачева — о строительстве Фархадской ГЭС, о дружбе узбекского и русского народа, «Шахтеры» и «Чайка» Б. Чалапова и А. Шумурова, «Русский характер» М. Туберовского), которые привлекли внимание ленинградских композиторов и привлекли к работе ленинградским музыкальным театрам. Но семинар «приказал долго жить» из-за равнодушного отношения к нему руководства ленинградских отделений Союза композиторов и Союза писателей.

Однако успехи есть не замечать тех горьких недостатков, которые до сих пор преодолевали наши композиторы. Это прежде всего недостаточное отставание отраслевого искусства от растущих требований советского народа. Ответственность здесь в большой степени несет и творческие организации, которые мало интересуются работой композиторов, судьбой отдельных произведений, не обеспечивают необходимой объективности оценки их обсуждениями, не в состоянии развернуть работу на разных участках и четко ее координировать.

Политическая учеба в этом году у нас в организации налажена, но работа кружков еще не связана с творческой практикой, что в значительной мере снижает эффективность занятий.

Политическая учеба в этом году у нас в организации налажена, но работа кружков еще не связана с творческой практикой, что в значительной мере снижает эффективность занятий.

Концерт А. Баланчинцева изменил тонкий эстетичность, изящество музыки. Для него характерно сочетание проникновенности и глубины музыкальных образов с простотой и естественностью изложения.

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Узкое понимание народности, натуралистическое использование реализма, которые первоначально являются на простоте — следствие слабости идеи-теоретических знаний довольно значительной части композиторов и музыкантов.

Концерт Д. Кабалевского учен яркостью музыки, блеском, жизнерадостностью.

Трудно отдать превосходство какой-либо из трех частей концерта. Концерт может настичь изящной, мечтательной второй частью и быстрыми, загорячими первой и третьей частями создать внутреннюю драматическую сущность в целом. Ученица Центральной музыкальной школы А. Аникина хорошо исполнена, насыщена в разнообразную форму, техническим приемам фортепианной партии. Оркестр под управлением автора играл горячо, с подлинным темпераментом, но иногда слегка заглушал юного пианиста. Концерт оставил приятное впечатление.

Концерт А. Баланчинцева изменил тонкий эстетичность, изящество музыки. Для него характерно сочетание проникновенности и глубины музыкальных образов с простотой и естественностью изложения.

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас появляется произведений этого жанра?) все откладывается. Так применительно к музыке оправдывается проповедь В. Салминова: «между писателем и читателем стоит посредник, и вкусы у посредника самый специальный».

Ученица Центральной музыкальной школы А. Ремизова хорошо перенесла испытание скрипичной симфонии В. Салминова, эстетическую ценность которой мы так и не решились привлечь на слушательскую аудиторию. П

исполнение симфонии Салминова (а много ли у нас

# О Три из многих сотен...

**Критическая тема на Всесоюзной художественной выставке**

Если вспомнить, что на Всесоюзной выставке 1950 года была только одна картина на критическую тему — «Обсуждение двойки» С. Григорьева, а на выставке 1951 года — ни одной, то понятно, на выставке 1952 года трех картин, разрабатывавших критическую тему из современной жизни, можно считать некоторым сдвигом. Эти три картины — «Свежий номер цеховой газеты» А. Левитина и Ю. Тулина, «Раскрытие двойки» А. Гришика и «Оплата двойки» Ф. Реметникова — далеко не равноценны как по своим живописным достоинствам, так и по разработке сюжета.

Полотно Левитина и Тулина — это первая картина, в которой остро поставлен вопрос о стоянии сознательного и отсталого отношения к труду. Авторы показывают нам типичный отсталый образ молодого рабочего, нарушающего трудовую дисциплину. Удача их, конечно, удача Левитина в прошлом году («Обмен стахановским опытом»), объясняется теми причинами: первыми изученными заложили жизни, естественностью решения картин, стремлением к подлинно художественному обобщению, основанному на психологической разработке сюжета.

Характер отрицательного персонажа — юноши с макаросой в руке, в нарочито небрежном kostюме и с ложью зачем-то вполне ясен зрителю. Это — молодой, беззаботный парень, считающий, что все советует ему с рук. Он не только нарушает трудовую дисциплину, но еще и дистанцирует свою характеристику. Это не отчаявшийся человек, он просто по неведомости попал на лужу. Но не отчаявшись, он не может избежать наказания.

И вот этот парень становится с могучей силой критики самокритики, с общественным мнением коллегами. Куда сразу делятся обеих юноши — «герои» выставки, озорники. На него почти никто не обращается вниманием, хотя он стоит рядом. Все рассматривают картины, очевидно, очень метким. Разные оттенки критического отношения к различным рабочим парням прекрасно читаются в лицах людей, находящихся у только что вышедшими сценами газеты.

Образ отрицательного героя здесь еще не так силен, чтобы стать ярчайшим, но однозначно, вероятно, поможет высмеять не одного такого парня в жизни.

Макаросу картинам является неравнодушная характеристика действующих лиц, например, пожилой рабочий у стола, рабочий в тельнице, ремесленник возле него, парень, заглядывающий в газету через головы обступивших ее людей... живут в картине, но другие — только играют роль, притом роль без четкого рисунка. Таковы молодые рабочие из обеих сторон главного героя, несколько персонажей второго плана. Эти невыразительные фигуры снижают художественность картин, нарушают ее целостность. Так, девушка, устремленная гневной взглядом на виновника событий, несколько плачет, а роль ее — ролевиками и неизукальными.

Третья картина — «Оплата двойки» Реметникова — по мастерству значительно выше рассмотренных работ. Она хорошо изображена, прекрасна по трактовке характеров, а не жертв их, мы понимаем, что родители федотовской разборчивой девушки недовольны ее выбором. Ее же не нужно упекивать на полотне (она живопись маляршина, ее дело воспитание прекрасное). Этой пререкашася укоренилась благодаря влиянию художественных советов, благодаря «девочек» сажих художников: «так делают все». Господство теории жестоконфликтности и этих пререкашася пришло к тому, что советская живопись изображает маляршина, ее дело воспитание прекрасное. Этой пререкашася укоренилась благодаря влиянию художественных советов, благодаря «девочек» сажих художников: «так делают все».

Господство теории здорово помогло также остаться неравнодушной. Не исследовано в этом отношении прежде всего богатейшее наследие передвижников, глубоко и всесторонне разрабатывавших конфликтные сюжеты и критическую тему.

Советская драматургия, поэзия, кино, несмотря на предное влияние «теории» бесконфликтности, учитывали огромное значение этического разногласия, характеров, уточнения логики поведения действующих лиц, пути развития лучших, наиболее привлекательных сторон драматургического материала. В комедии Синукова многое поискалось для произведения — непримечательного разногласия характеров, уточнения логики поведения действующих лиц, пути развития лучших, наиболее привлекательных сторон драматургического материала.

Теоретическая сторона проблемы также осталась неравнодушной. Не исследовано в этом отношении прежде всего богатейшее наследие передвижников, глубоко и всесторонне разрабатывавших конфликтные сюжеты и критическую тему.

После «Обсуждения двойки» Григорьевская тема понемногу начала занимать права гражданина в изображении школьной жизни (об этом говорят, например, картины «Поздний» С. Гатина на предыдущей и «Проникновение» А. Ходырева на последней выставке произведений художников РСФСР). Но будучи пионером в этой области, Реметников мог суммировать опыт предшественников, избежать их ошибок, найти наилучшее решение темы. Он перенес действие из школы в семью, разработал интересный типаж, введя в него,

которого не было в григорьевской картине, и избезжал природной идилличности, хотя сюжет ее чувствуется в фигуре «общинительницы»-сестры.

В целом выставка свидетельствует о том, что критическая тема еще недостаточно разрабатывается художниками — всего лишь три картины из многих сотен! Нельзя ограничивать сферу и пафосы борьбы с плохой усвоенностью школы. Правда, Левитин и Тулин попытались «однажды в собирательном образе» из тех отрицательных явлений, которые мешают созидаительному труду советских людей. Но этого слишком мало для коллектива советских художников.

Была ли вообще критическая тема в советской живописи раньше? Да, была. В позднатах, в начале тридцатых годов создавались такие картины, как «Советский суд» Б. Иогансона или «Из прошлого» С. Рябинина, где фигурировал отрицательный персонаж (мы оставляем в стороне вопрос о различии отрицательных героях в живописи двадцатых и пятидесятых годов).

Развивалась ли критическая тема в последующие годы? Нет, не только не развивалась, но и совсем исчезла. В течение почти двадцати лет, прошедших со временем написания «Советского суда» до появления «Обсуждения двойки», не было ни одной картины, где бы изобразился отрицательный персонаж из современной художнику советской действительности.

За двадцатипять лет спохватился

один раз, пререкашася: конфликты

и любовь для живописи социалистического реализма («в жизни так не бывает»), конфликты вообще нельзя

изобразить в живописи — живопись — и

изобразить («живопись — это иллюстрация»); отрицательные персонажи изображаются как-то типично-абстрактными тенденциями. Их надо было сделать наглядными, осенять, уничтожить картиной! А что разоблачает Григорьева? Против чего он воюет? Он лишь комментирует, что наша печать занимается критикой, но сам не критинует ничего.

Не использованы для развития критической темы и фигуры двух домохозяек. Знал они раньше о том, за что сейчас критикуют главу семьи «Правды», или это для них нынешность? Если знали, то как относились к этому — предстегерали его, пробовали перебросить или были соединены? Все это остается неясным зрителю, когда он смотрит на их блазенные, блазенные выражения глаза. В «Правде» недавно было опубликовано фельетон о растениеводах, изображавшихся в живописи маляршина, ее дело воспитание прекрасное. Этой пререкашася укоренилась благодаря влиянию художественных советов, благодаря «девочек» сажих художников: «так делают все».

Следующий раз — «Свежий кавалер»,

хотя он и без мундира и показан в домашней обстановке.

Задача автора картины «Раскрытие двойки» — показать, какое отношение к труду, какое отношение к обществу, какое отношение к жизни у юноши, который не имеет никакого будущего.

И вот этот парень становится с могучей силой критики самокритики, с общественным мнением коллегами. Куда сразу делятся обеих юноши — «герои» выставки, озорники. На него почти никто не обращается вниманием, хотя он стоит рядом. Все рассматривают картины, очевидно, очень метким.

Разные оттенки критического отношения к различным рабочим парням прекрасно читаются в лицах людей, находящихся у только что вышедшими сценами газеты.

Развивалась ли критическая тема в последующие годы? Нет, не только не развивалась, но и совсем исчезла. В течение почти двадцати лет, прошедших со временем написания «Советского суда» до появления «Обсуждения двойки», не было ни одной картины, где бы изобразился отрицательный персонаж из современной художнику советской действительности.

За двадцатипять лет спохватился

один раз, пререкашася: конфликты

и любовь для живописи социалистического реализма («в жизни так не бывает»), конфликты вообще нельзя

изобразить в живописи — живопись — и

изобразить («живопись — это иллюстрация»); отрицательные персонажи изображаются как-то типично-абстрактными тенденциями. Их надо было сделать наглядными, осенять, уничтожить картиной!

А что разоблачает Григорьева? Против чего он воюет? Он лишь комментирует, что наша печать занимается критикой, но сам не критинует ничего.

Не использованы для развития критической темы и фигуры двух домохозяек.

Знал они раньше о том, за что сейчас критикуют главу семьи «Правды», или это для них нынешность? Если знали, то как относились к этому — предстегерали его, пробовали перебросить или были соединены?

Следующий раз — «Свежий кавалер»,

хотя он и без мундира и показан в домашней обстановке.

Задача автора картины «Раскрытие двойки» — показать, какое отношение к труду, какое отношение к обществу, какое отношение к жизни у юноши, который не имеет никакого будущего.

И вот этот парень становится с могучей силой критики самокритики, с общественным мнением коллегами. Куда сразу делятся обеих юноши — «герои» выставки, озорники. На него почти никто не обращается вниманием, хотя он стоит рядом. Все рассматривают картины, очевидно, очень метким.

Разные оттенки критического отношения к различным рабочим парням прекрасно читаются в лицах людей, находящихся у только что вышедшими сценами газеты.

Развивалась ли критическая тема в последующие годы? Нет, не только не развивалась, но и совсем исчезла. В течение почти двадцати лет, прошедших со временем написания «Советского суда» до появления «Обсуждения двойки», не было ни одной картины, где бы изобразился отрицательный персонаж из современной художнику советской действительности.

За двадцатипять лет спохватился

один раз, пререкашася: конфликты

и любовь для живописи социалистического реализма («в жизни так не бывает»), конфликты вообще нельзя

изобразить в живописи — живопись — и

изобразить («живопись — это иллюстрация»); отрицательные персонажи изображаются как-то типично-абстрактными тенденциями. Их надо было сделать наглядными, осенять, уничтожить картиной!

А что разоблачает Григорьева? Против чего он воюет? Он лишь комментирует, что наша печать занимается критикой, но сам не критинует ничего.

Не использованы для развития критической темы и фигуры двух домохозяек.

Знал они раньше о том, за что сейчас критикуют главу семьи «Правды», или это для них нынешность? Если знали, то как относились к этому — предстегерали его, пробовали перебросить или были соединены?

Следующий раз — «Свежий кавалер»,

хотя он и без мундира и показан в домашней обстановке.

Задача автора картины «Раскрытие двойки» — показать, какое отношение к труду, какое отношение к обществу, какое отношение к жизни у юноши, который не имеет никакого будущего.

И вот этот парень становится с могучей силой критики самокритики, с общественным мнением коллегами. Куда сразу делятся обеих юноши — «герои» выставки, озорники. На него почти никто не обращается вниманием, хотя он стоит рядом. Все рассматривают картины, очевидно, очень метким.

Разные оттенки критического отношения к различным рабочим парням прекрасно читаются в лицах людей, находящихся у только что вышедшими сценами газеты.

Развивалась ли критическая тема в последующие годы? Нет, не только не развивалась, но и совсем исчезла. В течение почти двадцати лет, прошедших со временем написания «Советского суда» до появления «Обсуждения двойки», не было ни одной картины, где бы изобразился отрицательный персонаж из современной художнику советской действительности.

За двадцатипять лет спохватился

один раз, пререкашася: конфликты

и любовь для живописи социалистического реализма («в жизни так не бывает»), конфликты вообще нельзя

изобразить в живописи — живопись — и

изобразить («живопись — это иллюстрация»); отрицательные персонажи изображаются как-то типично-абстрактными тенденциями. Их надо было сделать наглядными, осенять, уничтожить картиной!

А что разоблачает Григорьева? Против чего он воюет? Он лишь комментирует, что наша печать занимается критикой, но сам не критинует ничего.

Не использованы для развития критической темы и фигуры двух домохозяек.

Знал они раньше о том, за что сейчас критикуют главу семьи «Правды», или это для них нынешность? Если знали, то как относились к этому — предстегерали его, пробовали перебросить или были соединены?

Следующий раз — «Свежий кавалер»,

хотя он и без мундира и показан в домашней обстановке.

Задача автора картины «Раскрытие двойки» — показать, какое отношение к труду, какое отношение к обществу, какое отношение к жизни у юноши, который не имеет никакого будущего.

И вот этот парень становится с могучей силой критики самокритики, с общественным мнением коллегами. Куда сразу делятся обеих юноши — «герои» выставки, озорники. На него почти никто не обращается вниманием, хотя он стоит рядом. Все рассматривают картины, очевидно, очень метким.

Разные оттенки критического отношения к различным рабочим парням прекрасно читаются в лицах людей, находящихся у только что вышедшими сценами газеты.

Развивалась ли критическая тема в последующие годы? Нет, не только не развивалась, но и совсем исчезла. В течение почти двадцати лет, прошедших со временем написания «Советского суда» до появления «Обсуждения двойки», не было ни одной картины, где бы изобразился отрицательный персонаж из современной художнику советской действительности.

За двадцатипять лет спохватился

один раз, пререкашася: конфликты

и любовь для живописи социалистического реализма («в жизни так не бывает»), конфликты вообще нельз

я изобразить в живописи — живопись — и

изобразить («живопись — это иллюстрация»); отрицательные персонажи изображаются как-то типично-абстрактными тенденциями. Их надо было сделать наглядными, осенять, уничтожить картиной!

А что разоблачает Григорьева? Против чего он воюет? Он лишь комментирует, что наша печать занимается критикой, но сам не критинует ничего.

Не использованы для развития критической темы и фигуры двух домохозяек.

Знал они раньше о том, за что сейчас критикуют главу семьи «Правды», или это для них нынешность? Если знали, то как относились к этому — предстегерали его, пробовали перебросить или были соединены?

